

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18

СУБЪЯЗЫК-ОПОСРЕДОВАННАЯ ТЕКСТОЦЕНТРИЧНАЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

А. В. Соснин, И. Н. Кабанова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье изложен универсальный подход к объяснению языковой картины мира, присущей определенному лингвокультурному сообществу, названный субъект-опосредованным и представляющий собой моделирование культурно обусловленных характеристик языкового сознания с позиций типичных коммуникативных ситуаций, закрепленных в различных предметных или институциональных сферах и интегрированных в соответствующие им субъекты в качестве нормы. Последняя при этом рассматривается в качестве еще одной системы кодирования в дополнение к функциональной системе языка, поскольку, как указывается авторами, каждая коммуникативная ситуация конструируется в соответствии с конкретным сценарием, а специфическое лексико-грамматическое наполнение, которым располагает субъект для выражения внутриситуативных отношений, подводится под общезначимую конвенцию, как вести себя и что говорить в данной ситуации. Текстцентричность культуроведческой лингвистики обнаруживается в выявлении присущей лингвообществам коллективной стандартизации, при этом в качестве ее стандартных элементов рассматриваются типические построения по типу сверхтекстов, или инвариантных, схематичных конструкторов. Модель культуроведческого языкознания, представленная в статье, включает три измерения: общее лингвокультурное пространство, субъект-опосредованная дифференциация и диахроническое развитие. Заключается, что методологические рамки субъект-опосредованной текстцентричной культуроведческой лингвистики устанавливаются относительно границ ее предметно-ситуативной локализации и анализа соответствующих языковых объектов, начиная с уровней языковых микроструктур и заканчивая макроструктурными построениями по типу сверхтекстов и субъектов.

Ключевые слова: культуроведческая лингвистика; субъект; норма; текстцентризм; сверхтекст.

Цитирование: Соснин А. В., Кабанова И. Н. Субязык-опосредованная текстоцентричная культуроведческая лингвистика: в поисках универсальной методологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18.

**Sublanguage-Sensitive Cultural Linguistics Centred around Text:
A Search for Universal Methodology**

Alexey V. Sosnin, Irina N. Kabanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article suggests a universal approach to explicating the worldview shared by a particular linguistic-cultural community. The approach is termed sublanguage-sensitive and consists in modelling the culturally specific features of language consciousness from a standpoint of typical communicative situations pertaining to various practical or institutional spheres and integrated into respective sublanguages as a norm. The latter is viewed as an auxiliary coding system supplementing the functional language system because, as stated in the article, each communicative situation is constructed in accordance with a particular scenario, while the specific grammar and lexis which a sublanguage uses to express the relations within the given situation are selected following the universally accepted convention as to how to behave and what to say in it. Cultural linguistics is approached as centered around text, i.e. attempting to locate the standard collective semiotic entities employed by linguistic communities. These entities are essentially super-texts or, invariant schematic constructs. The model of cultural linguistics presented in the article incorporates three dimensions: the general linguistic-and-cultural space, its differentiation according to the sublanguage, and its diachronic evolvement. It is concluded that the methodological boundaries of sublanguage-sensitive cultural linguistics centered around text are drawn in accordance with its situational localization and the corresponding linguistic objects, from the microstructures of language levels to macro-constructs such as supertexts and sublanguages.

Key words: cultural linguistics; sublanguage; norm; text centrality; supertext.

Citation: Sosnin, Alexey V., & Kabanova, Irina N. (2025) Sublanguage-Sensitive Cultural Linguistics Centred around Text: A Search for Universal Methodology. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18.

1. Введение

С бурным развитием компьютерных алгоритмов лингвистического анализа, строящихся на совершенно иных принципах, чем консервативное языковедение, многие современные исследователи-разработчики наивно полагают, что они совершенно не зависят от каких бы то ни было воздействий и что создали себя сами — как бы в ответ на «засилье» в лингвистике давно ушедших корифеев. Но они не мертвы, они актуальны как никогда. Современная же прикладная лингвистика, напротив, это показатель их жизненной силы. Без них мы

не знали бы, как приступить к решению современных задач, куда приложить свои силы. Старая метафора бессмертности ученого по-прежнему здесь релевантна. Об уединенной беседе с великими предшественниками рассказал Ф. де Кеведо в своем сонете «Наслаждаясь уединением и учеными занятиями»: «Здесь у меня собрание небольшое / Ученых книг, покой и тишина; / Моим очам усопших речь внятна, / Я с мертвыми беседую душою. / И мудрость их вседневно правит мною, / Пусть не всегда ясна — всегда нужна; / Их стройный хор, не ведающий сна, / Сон жизни по́лнит музыкой немою» (Кеведо 1980). Как отмечает Н. Ю. Бокадорова, совершенно необходимо преодолеть «модерноцентристский» подход к развитию лингвистической науки, когда прошлое либо полностью отвергается, считаясь «донаучным», или же в нем ценность имеет только то, что утверждает современное (Бокадорова 1986: 69).

2. Характеристика материала и методов исследования

В настоящей статье предпринята попытка выработать интегрирующую методологию лингвокультуроведческих изысканий в русле традиционной нижегородской школы коллоквиалистики и субъязыков Ю. М. Скребнева (1985) без обращения к макропостроениям по типу дискурса или жанра, которые весьма популярны в настоящее время. С некоторыми оговорками и попытками адаптации к лингвистической материи дискурс в качестве глубинной методологической основы все же демонстрирует социальную составляющую, а жанр — литературоведческую. И хотя в условиях современного состояния науки требуется междисциплинарный подход, но построить лингвокультурологическую науку на федеративных принципах возможно лишь за счет подчинения всех включенных сюда ветвей знания примату общей цели изучения языка и центральной проблемы значения.

Основополагающим в заявленном подходе будет определение соотношения между культурными макро- и языковыми микроструктурами, или же, другими словами, как макроформы культур оказывают влияние на форму различных субъязыков, на план выражения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В случае глобального сочетания любой этнической культуры с национальным языком мы говорим о гумбольдтианской лингвистике. Как известно, теоретико-методологическую базу гумбольдтианства составляет антропологический подход, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с культурой и духовной жизнью человека, с его этнопространством (Тестелец 1990: 123). Если же макроформой выступает некоторая типическая культурная / нормативная ситуация, то речь идет

о субъязык-дифференцирующей обуславливающей и обусловленной культуроведческой лингвистике. В этой связи любопытно замечание немецкого философа культуры Р. Конерсмана о том, что культуры как универсального единства не существует вообще и что есть только множество событий и манифестаций, разнообразие форм освоения мира человеком, зафиксированного в словах, правилах и техниках. Из этого многообразия человеческой активности культура, согласно Конерсману, предстает как находящаяся в непрерывном развитии связь деятельности и ментальности, как открытое пространство коммуникации (Konerstmann 2003: 8). Таким образом, рассматриваются не просто универсальная культура и всеобъемлющий язык, а в первую очередь различные области коммуникации, человеческое поведение и ценности — как в обыденной жизни, так и в институциональных контекстах, которые демонстрируют языковые, прагматические и текстовые особенности и которые опосредованы различными коммуникативными условиями.

В этой связи современный немецкий филолог Х. Куссе говорит о т. н. дискурс-сенситивной культурологии (Куссе 2022: 11), мы же придерживаемся нашей школы и отдаем предпочтение терминам «субъязык» (Скребнев 1985: 21) и «субъязык-опосредованная культуроведческая лингвистика». Это представляется тем более обоснованным, поскольку Л. Ельмслев трансформирует традиционную сосюрговскую дихотомию «язык — речь» в четырехчастную модель: «схема (чистая форма) — норма (материальная форма) — узус (совокупность навыков; сюда же можно добавить сам процесс речепорождения ¹) — акт» (Ельмслев 2006: 160, 169).

Румынский языковед Э. Косериу также предлагает выделять наряду с системой еще и норму. Норма, согласно ему, это система обязательных реализаций, принятых данной культурой: норма сопоставлена не с тем, что можно сказать в принципе, а с тем, что уже было сказано и что конвенционально говорится в рассматриваемом лингвокультурном сообществе. Выделение нормы как систематики призвано продемонстрировать, что конкретный язык можно исследовать с множественных позиций: «как систему потенциальных возможностей, как набор прескриптивных вербализаций, как парадигму функциональных противопоставлений, как факт лингвокультуры, как идеальные формы реализации, т. е. эталоны соответствующей речевой деятельности, и как конструкты, уже реализованные исторически по данным шаблонам» (Косериу 1963: 175).

В системном, схематическом ракурсе изучаются, таким образом, функционально значимые различия, а с нормативной точки зрения — допускаемые системой / схемой разновидности функционирования языка. Однако вслед

¹ По А. А. Леонтьеву, это языковая деятельность (Леонтьев 1969: 27).

за Х. Куссе заметим, что языковая и культурная дивергенция не исключает существования нормативного литературного языка, который отличается поливалентностью и многофункциональностью (Куссе 2022: 33). По аналогии с нормативным языком можно выделить и понятие нормативной культуры, ему соответствующей. Это та культура, которую мы называем русской, английской или французской — не в неоромантическом понимании «господствующей культуры» *Leitkultur*, а в вандейковском смысле «общего основания культуры» *cultural common ground* (Van Dijk 2001: 15), т. е. в контексте общепринятых стандартов, формирующих жизненное пространство и ощущение его нормированности в лингвокультурном сообществе (cf.: Hansen 2003: 7). Таким образом, гумбольдтианское и субязык-опосредованное языковедение ни в коей мере не исключают друг друга.

Благодаря вышеизложенному снимается чисто структуралистская невозможность даже самой идеи культуроведческого языкознания. Ведь, казалось бы, культурология — это нечто свободное, открытое, имеющее дело с различными культурными предметами и явлениями. А лингвистика — это очень строгая наука, почти как математика. В общем, друг другу они не подходят. Но здесь мы бы имели дело лишь со схемой, системой чистых различий. Отходя от этого узкого, формально ориентированного определения лингвистики, мы обнаруживаем, что культуроведческое языкознание вполне может объединить методологическую транспарентность и закономерную открытость всех культурных объектов как средств коммуникации.

Действительно, как справедливо замечает И. В. Арнольд, чистый идеальный структурализм как метод едва ли используется, однако многие частные методики, созданные в его рамках, по-прежнему актуальны, т. к. ими последовательно обеспечивается объективность лингвистического описания и выделяется материал, который легко поддается количественной обработке (Арнольд 1991: 9).

Культуроведческая лингвистика только тогда является культуроведческой, когда она способствует расшифровке «культурной физиономии» типичных коммуникативных ситуаций лингвосообществ и эпох и когда она обнаруживает присущую им коллективную стандартизацию (cf.: Böhme 2000: 73). Очевидно, этими стандартными элементами лингвокультуры будут типичские построения по типу сверхтекстов, или эмических, инвариатных, схематичных конструкторов.

Это постулат московско-тартуской структурно-семиотической школы, являющейся предельно текстоцентричной и представляющей культуру в качестве системы текстов или как множество функций, которые этими текстами обслуживаются. Так, по замечанию культуролога и семиотика П. Торопа, стало возможным говорить о том, что процессы порождения культуры, текстов

и языка изоморфны (Тороп 1995: 226). Текст же, еще раз отметим, понимается как некоторая общая (языковая) схема для группы текстов — в рамках сверхтекстуальной теории текста, главная задача которой состоит в конструировании текста-модели, инкорпорирующего какую-то общую идею, и, далее, в порождении всевозможных субъязык-специфичных реализаций исходного текста и в их сопоставлении. Об этом, в частности, писали И. Беллерт, В. Дресслер, Р. Харвег, Я. Петёфи (Petöfi 1971; Harweg 1973; Беллерт 1978; Дресслер 1978). Текстовые сверхструктуры, типические схемы, передающиеся от поколения к поколению, выделяет и В. Я. Пропп (Пропп 2001), рассматривая инвариант волшебной сказки. В СМИ стало постоянно звучать слово «нарратив», опять же отсылающее нас к рекуррентным, массово воспроизводимым типическим смыслам.

В ельмслевском четырехчастном представлении «схема — норма — узус — акт» сверхтекст отнесем к схеме, а правила его развертывания в реальные тексты — к культурно-опосредованной норме и узусу, т. е. к субъязыку или его дифференцирующей характеристике стилю.

Представляется, что сверхтекст — это наиболее схематичная нефокализованная тема; ее культурно обусловленные, ситуативные или институциональные вербализации будут иметь конкретные фокусы за счет предикации определенных признаков из общего набора (акт выбора, прагматическим критерием для которого служит эффективность коммуникативного взаимодействия), за счет нормативных (*sic!*) вербализаций суперсегментных текстовых характеристик: выбора грамматических, лексических и стилистических средств, актуального членения предложения и т. д. На пропозициональном уровне фокализацию можно усмотреть в приписывании определяемому объекту интенционального предиката, который в языке может принадлежать лишь объектам из конкретного системного класса.

Если двигаться от интерсемиотики или полимодальности культуры к семиотике языковой, то как разновидность культуры обуславливает субъязык? По Ю. М. Скребневу, вычленение субъязыков как условно замкнутых подсистем представляет собой процедуру гипостазирования (Скребнев 1985: 23), т. е. приписывания самостоятельного бытия абстрактным сущностям. Хотя это выделение и произвольно, но оно, безусловно, отражает стратификацию культуры, ее институциональность и пр. Другими словами, семиотически нерасчлененная субстанция мышления сначала опредмечивается, а потом ей ставится в соответствие вербальная форма. Обратно, если мы движемся от субъязыка к разновидности лингвокультуры, то культурную норму, являющую часть его нормативно-узуальной систематики, можно рассматривать в качестве интерпретанта и на этой основе более полно реконструировать макрокультурные образования по типу сверхтекстов или культурных констант.

Социокультурная норма, так же как и норма языковая, это набор общепринятых установлений, имеющих прескриптивную природу. В применении к языку как общественному установлению и факту культуры это унифицированные доксистические представления, так или иначе в нем инкорпорированные в виде сопутствующих нормативных систематик в приложении к различным предметным областям и сферам человеческой деятельности. В феноменологическом отношении, в плане эмпирического восприятия они конституируют, перефразируя слова Э. Гуссерля, всеобъемлющий горизонт некоторого «жизненного мира», в который мы интегрированы и только в котором способны постичь, что для нас значат «в модусе актуальной обращенности» все обозначаемые словами вещи, которые лежат в пределах этого горизонта (Гуссерль 2009: 66–67). Как отмечает А. Е. Бочкарев, достоверны ли подобные системы в объективном, онтологически «верном» смысле, заранее знать нельзя. Тем не менее можно утверждать их однозначную достоверность для данного языкового коллектива (Бочкарев 2014: 170). Другими словами, этот возможный культурный подмир необязательно должен быть реальным — он может быть и вымышленным, литературным. В литературных произведениях истина во многом это соответствие нормативным требованиям стиля как дифференцирующей характеристики субъязыка. В антропоцентрическом, гумбольдтиански-культуроведческом представлении знания и мнения, опосредованные культурной установкой, сходятся так близко, что их противопоставлять больше не требуется. Так корреспондентная модель значения пересматривается коренным образом. При сохранении общей верификационной основы место истины занимают доксистические структуры, т. е. то, во что верит или что принимает — независимо от действительного положения вещей — бо́льшая часть данного языкового сообщества в данной культурной / коммуникативной ситуации. Так социокультурные конвенции «подправляют», можно сказать, закрепленное в языке системное значение в фокусе культурно регламентированной ситуации. Прагматика, так образом, интегрируется в семантику языковых единиц и формирует их прагмасемантический потенциал; понятными высказываниями будут те, которые ситуативно и культурно уместны.

4. Заключение

Представляется, что субъязык-обусловленная культуроведческая лингвистика позволит пересмотреть устаревшие воззрения на зарубежные лингвокультуры, которые предстают как «замедлители» культурных и интеграционных процессов: не полностью их отбросить, но выработать на их основе представления актуальные, релевантные, чего можно достичь в первую очередь через интегрированное культурологическое и семиотическое исследование субъязыков.

Структурирование культурно значимых фрагментов действительности в виде сверхтекстов, или надтекстовых системных единиц, во-первых, служит логичным развитием представлений о языке как об уровневой системе и, во-вторых, влечет за собой неизбежность обращения к национальным корпусам литературных произведений, что в силу универсальных морально-нравственных ценностей, в них заложенных, могло бы способствовать взаимному обогащению русской и зарубежных лингвокультур, развитию добрососедских отношений и эффективному разрешению политических противоречий в долгосрочной перспективе.

Субъязык-опосредованная текстоцентричная культуроведческая лингвистика может быть схематизирована в виде трехмерной модели со следующими осями: ось X — лингвокультурные особенности, присущие конкретному национальному сообществу (гумбольдтианское культуроведение); ось Y — предметная, институциональная диверсификация по субъязыкам с интегрированными в них сверхтекстами; ось Z — эволюция субъязыков, сверхтекстов и лингвокультуры в диахронии. В точке пересечения данных осей обнаруживается предмет исследования искомой ветви языкознания.

В целом методологические рамки субъязык-опосредованной текстоцентричной культуроведческой лингвистики устанавливаются относительно границ ее предметно-ситуативной локализации и анализа соответствующих языковых объектов, начиная с уровневых языковых микроструктур и заканчивая макроструктурными построениями по типу сверхтекстов и субъязыков.

Список литературы / References

- Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. [Arnold, Irina V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* (Fundamentals of Research in Linguistics). Moscow: Vyschaya Shkola. (In Russian)].
- Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 172–207. [Bellert, Irena. (1978) *Ob odnom uslovii svyaznosti teksta* (Towards One Condition of Text Cohesion). In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk VIII: Lingvistika teksta* (Update in Foreign Linguistics. Issue VIII: Linguistics of Text). Moscow: Progress, 172–207. (In Russian)].
- Бокадорова Н. Ю. Проблемы историологии науки о языке // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 68–75. [Bokadorov, Natalia Yu. (1986) *Problemy istoriologii nauki o yazyke* (Historical Issues of Language Science). *Voprosy yazykoznanija*, 6, 68–75. (In Russian)].
- Бочкарев А. Е. Нормы социальные // Семантика: Основной лексикон. Н. Новгород: Деком, 2014. С. 167–172. [Bochkaryov, Andrei Ye. (2014) *Normy social'nye* (Social Norms). In *Semantika: Osnovnoj leksikon* (Semantics: The Basic Lexicon). Nizhny Novgorod: Dekom, 167–172. (In Russian)].

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. [Husserl, Edmund. (2009) *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* (Ideas towards Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy). Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)].
- Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. С. 56–74. [Dressler, Wolfgang. (1978) *Vvedenie v lingvistiku teksta* (Introduction to Linguistics of Text). In *Problemy teorii teksta: Referativnyj sbornik* (Issues of the Text Theory: Abstract Journal). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Soviet Academy of Sciences, 56–74. (In Russian)].
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. [Hjelmslev, Louis. (2006) *Prolegomeny k teorii yazyka* (Prolegomena to a Theory of Language). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Кеведо Ф. де. Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет // Испанский Парнас. Л.: Художественная литература, 1980. С. 229. [Quevedo, Francisco de. (1980) *Naslazhdayas' uedineniem i uchenymi zanyatiyami, avtor sochinil sej sonet* (Enjoying Solitude and Studies, the Author Has Composed this Sonnet). In *Ispanskij Parnas* (Spanish Parnassus). Leningrad: Hudozhestvennaya literature, 229. (In Russian)].
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 143–343. [Coşeriu, Eugen. (1963) *Sinhroniya, diahroniya i istoriya* (Synchrony, Diachrony, and History). In *Novoe v lingvistike. Vyp. III* (Update in Linguistics, Vol. III). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 143–343. (In Russian)].
- Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. [Kuße, Holger. (2022) *Kul'turovedcheskaya lingvistika* (Cultural Linguistics). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. [Leontjev, Alexey A. (1969) *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* (Language, Speech, Verbal Activity). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. [Propp, Vladimir Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoj skazki* (Morphology of the Fairy-Tale). Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985. [Skrebnev, Yuri M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction to Colloquial Language Studies). Saratov: Saratov University Publishers. (In Russian)].
- Тестелец Я. Г. Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 123–124. [Testeleets, Jacob G. (1990) *Gumbol'dtianstvo* (Humboldtian Science). In Yarceva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 123–124. (In Russian)].
- Тороп П. Тартуская школа как школа // Лотмановский сборник 1. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 223–239. [Torop, Peeter. (1995) *Tartuskaya shkola kak shkola* (Tartu School as a School). In *Lotmanovskij sbornik 1* (Lotman Bulletin 1). Moscow: Garant Publishing Centre, 223–239. (In Russian)].
- Böhme, Hartmut. (2000) *Orientierung Kulturwissenschaft: was sie kann, was sie will*. Reinbek: Rowohlt. (In German).
- Hansen, Klaus. (2003) *Kultur and Kulturwissenschaft. Eine Einführung*. Tübingen, Basel: Francke. (In German).

- Harweg, Roland. (1973) Text Grammar and Literary Texts: Remarks on a Grammatical Science of Literature. *Poetics*, 9, 65–91.
- Konersmann, Ralf. (2003) *Kulturphilosophie. Zur Einführung*. Hamburg: Junius, 2003. (In German).
- Petöfi, János S. (1971) *Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie*. Frankfurt a. M.: Athenäum. (In German).
- Van Dijk, Teun A. (2001) Discourse, Ideology and Context. *Folia Linguistica*, 35, 11–40.